

РЕДКИЕ ФОТОГРАФИИ

Л. НИКУЛИН

Могучие ветви русской культуры — литература и музыка — издавна родственны и близки друг другу. Следует вспомнить о дружбе Глинки с великими русскими писателями, поэтами. Известно, что Антон Павлович Чехов поддерживал теплые, дружеские отношения с Петром Ильичом Чайковским и ценил замечательное дарование еще молодого в то время Сергея Васильевича Рахманинова.

23 сентября 1898 года Чехов пишет сестре Марии Павловне:

«Милая Маша, возьми 1 экземпляр «Мужики» и «Моя жизнь», заверни в пакет и в Москве, при случае, занеси в музыкальный магазин Юргенсона или Гутхейля для передачи «Сергею Васильевичу Рахманинову». Или поручи кому-нибудь занести».

Чехов верил в литературный вкус композитора и ценил его мнение.

В литературных записях писателя Ивана Алексеевича Бунина есть такая заметка:

«В библиотеке Чехова хранится «Фантазия для оркестра» Рахманинова. Надпись такова: «...автору рассказа «На пути», содержание которого с тем же эпиграфом служило программой этому музыкальному произведению. 9 ноября 1898 г.».

Теплые, дружественные отноше-

И. А. Бунин. 1930 год.

С. В. Рахманинов и И. А. Бунин. 1926 год.

ния связывали Сергея Васильевича Рахманинова с Буниным. Фотография, на которой запечатлены Иван Бунин и Рахманинов на юге Франции, относится к 1926 году. В воспоминаниях Бунина встречам с композитором уделена страница, написанная с присущими этому большому русскому писателю яркостью, глубиной и талантом.

Приводим воспоминания Бунина о встречах с Рахманиновым.

Рахманинов

При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но все же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на берегу моря, он обнял меня и сказал: «Будем друзьями навсегда!» Уж очень различны были наши жизненные пути, судьба все разъединяла нас, встречи наши были всегда случайны, чаще всего недолги и была, мне кажется, вообще большая сдержанность в характере моего высокого друга. А в ту ночь мы были еще молоды, были далеки от сдержанности, как-то внезапно сблизилась чуть не с первых слов, которыми обменялись в большом обществе, собравшемся, уже не помню почему, на веселый ужин в лучшей ялтинской гостинице «Россия». Мы за ужином сидели рядом, пили шампанское Абрау-Дюрсо, потом вышли на террасу, продолжая разговор о том падении прозы и по-

эзии, что совершалось в то время в русской литературе, незаметно спустились во двор гостиницы, потом на набережную, ушли на мол,— было уже поздно, нигде не было ни души,— сели на какие-то канаты, дыша их дегтярным запахом и этой какой-то совсем особой свежестью, что присуща только черноморской воде, и говорили, говорили все горячее и радостнее уже о том чудесном, что вспоминалось нам из Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Майкова... Тут он взволнованно, медленно стал читать то стихотворение Майкова, на которое он, может быть, уже написал тогда или только мечтал написать музыку:

Я в гроте ждал тебя в урочный час.

Но день померк; главой качая сонной,

Заснули тополи, умолкли гальционы:

Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;

Редела ночь; любовница Кефала, Облокотясь на рдяные врата Младого дня, из кос своих роняла Златые зерна перлов и опала На синие долины и леса...

И. А. БУНИН